

Алия Робертовна

**Мой дом под
землей**

Алия Робертовна
Мой дом под землей

<https://litres.ru/73940101>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Он улыбался людям, помогал соседям, кормил птиц... а по ночам спал с письмом у сердца".

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алия Робертовна

Мой дом под землей

Глава

Дорогой друг! Спасибо тебе за то, что ты нашёл в себе силу открыть эту книгу. В этом мире, полном боли, разочарований и невысказанных слов, я хочу, чтобы ты знал — ты не один. В каждом из нас есть раны, которые трудно показать, и слёзы, которые мы прячем, потому что боимся, что нас не поймут. Но именно в этих ранах живёт наша настоящая сила — способность чувствовать, любить и верить даже тогда, когда всё кажется потерянным. Эта история — для тех, кто ищет свет среди тёмных дней, для тех, кто слушает своё сердце и не боится быть уязвимым. Пусть каждая страница напомнит тебе о том, что даже самый слабый — это источник невероятной силы, что даже в самый глубокий вечер есть рассвет, и что в каждом сердце есть место для тепла и надежды. Пусть эта книга станет для тебя тихим другом, который разделит с тобой боль и радость, слёзы и улыбки. Я пишу её с любовью и теплом, потому что верю — даже в самые тёмные времена, внутри каждого из нас живёт

свет, способный озарить путь. Не забывай, что ты важен, что ты любим и что в этом мире есть место для твоей души. Береги себя, и помни: даже самые ранимые сердца могут засиять ярче всего, когда им дают шанс. С искренней благодарностью и теплом

"Он разговаривал с ней каждое утро, хотя на кухне давно стояла одна кружка"

ГЛАВА 1

"Есть любовь, после которой уже невозможно стать прежним, даже спустя полвека"

К тому моменту, когда волонтеры добрались до деревни Берёзовка, начинало темнеть. Небо было тяжёлым, серым, низким. Казалось, ещё немного — и оно ляжет прямо на крыши старых домов. Дорога превратилась в кашу из мокрого снега и грязи, машина постоянно подпрыгивала на ямах, а дворники лениво размазывали по стеклу холодный ноябрь-

ский дождь. Катя сидела у окна и молча смотрела наружу и всегда тяжело переносила такие поездки. Не из-за усталости, не из-за холода... А потому что после них внутри оставалось чувство, будто сердце стало тяжелее. Очень многие старики в деревнях жили хуже, чем люди могли себе представить. Об этом не снимали красивые фильмы, не говорили громко. Но именно там, среди старых печек, пустых холодильников и полуразрушенных домов, одиночество выглядело по-настоящему страшно. — Всё, приехали, — сказал Илья, заглушая мотор. Машина остановилась возле маленького магазина с выцветшей вывеской. Рядом стояли две бабушки в пуховых платках и о чём-то тихо разговаривали... Когда волонтеры начали выгружать коробки с продуктами, одна из женщин перекрестилась. — Дай вам Бог здоровья, дети. Катя улыбнулась: — Здравствуйте. — Из города приехали? — Да. — Ох хорошо, что приехали. В её голосе было столько усталости, что Катя сразу отвела взгляд. Первый дом встретил их запахом лекарств и сырости. Там жила баба Нина — маленькая сухая старушка восьмидесяти лет, которая почти не вставала с кровати. Когда волонтеры вошли, она попыталась подняться. — Лежите, лежите, — сразу сказал Илья. — Мы сами всё занесём. — Господи люди приехали. Старушка вдруг расплакалась просто от того, что к ней кто-то пришёл. Катя помогала раскладывать продукты, а сама всё смотрела на старые фотографии на стене. На одной — молодая женщина в белом платье, на другой — мужчина с гармошкой, на третьей

— трое детей.— Это ваши? — осторожно спросила она. Баба Нина кивнула:— Сыновья — А где они сейчас? Старушка замолчала. Потом тихо сказала:— Один в Тюмени другой в Москве у них своя жизнь -и улыбнулась. Но улыбка была такой пустой, что у Кати внутри сжалось где то в области груди. Перед уходом баба Нина вдруг схватила её за руку:— Ты приезжай ещё, девочка ладно? Катя только кивнула, потому, что если бы попыталась что-то сказать — расплакалась бы сама.

.....Следующий дом был почти развален. Там жил дедушка Егор. Он оказался очень ворчливым.— Опять помощь привезли, — бурчал он. — Лучше б дорогу сделали. Но пока Максим колот ему дрова, дед всё равно украдкой улыбался, а после вдруг вынес ребятам старую банку варенья.— Заберите.— Не надо, бабушка.— Берите, говорю.— Это же ваше.— А мне одному сколько надо?-улыбнулся дедушка Катя заметила, что многие пожилые люди в деревне были одинаковыми, очень бедными, очень одинокими, но при этом —удивительно щедрыми. Словно они всё ещё жили по старым законам:гость в доме — значит родной, даже если у тебя самого почти ничего нет.....К вечеру Катя устала так сильно, будто прожила целую неделю. Они обошли уже почти всю деревню, где-то чинили крышу, где-то таскали воду, где-то просто сидели и слушали чужие истории, а историй у стариков было много, очень много. Про войну, про голод, про любовь детей, которые обещали приехать и не приезжали го-

дами. Катя сидела в машине и растирала замёрзшие руки. — Остался ещё один адрес, — сказал Максим, листая список. — Александр Николаевич. Местная женщина, сопровождавшая их весь день, сразу посмотрела в окно. — Дядь Шура. Почему-то произнесла она это особенно тихо. — Что с ним? — спросила Катя. Женщина тяжело вздохнула: — Хороший дед. — Один живёт? — Один давно уже. Илья завёл машину: — Поехали тогда. — Только — женщина вдруг замялась. — Вы там помягче с ним. — Почему? Она долго молчала. А потом тихо сказала: — Он всю жизнь кого-то ждал. Катя нахмурилась: — В смысле? Но женщина лишь покачала головой. Дом Александра Николаевича стоял почти на самом краю деревни, дальше начинался лес. Маленький старый домик с покосившимся забором выглядел так, будто держался только чудом. но в окнах к счастью горел свет, тёплый, жёлтый. И почему-то именно этот свет сразу тронул Катю сильнее всего за весь день, потому что он выглядел живым. Словно внутри этого старого дома кто-то всё ещё надеялся, что однажды к нему придут. во дворе стояла старая деревянная лавка, занесённая мокрыми листьями, а возле крыльца лежали аккуратно сложенные дрова. — Он сам их таскает?.. — тихо спросила Катя. — Сам, — кивнула женщина. — Никого не просит. Они подошли ближе, под ногами тихо скрипел снег. Илья постучал, тишина, потом снова. Где-то внутри слышались медленные шаги, очень медленные, будто человек шёл издалека. Замок щёлкнул не сразу и дверь приоткры-

лась. На пороге стоял старик, худой, сгорбленный, в старом сером свитере. Ему было лет восемьдесят пять, не меньше. Но глаза у него были удивительно добрыми и очень уставшими. Он растерянно посмотрел на ребят, не понимая кто перед ним. Катя первой нарушила тишину:— Здравствуйте Мы волонтеры. Приехали помочь пожилым людям в деревне. Старик моргнул. И вдруг засуетился:— Господи да что ж вы на холоде стоите заходите быстрее. Он говорил это так искренне, будто они были не чужими людьми, а долгождан-ными гостями. Ребята переглянулись и вошли внутрь. В доме было тепло, пахло дровами, старым деревом и чаем. Катя сразу заметила маленький стол возле окна. На нём лежал кусочек чёрного хлеба, нож и несколько хлебных крошек. Рядом стоял недопитый чай в гранёном стакане. И почему-то именно от этого у неё внезапно защипало глаза. Потому что одиночество иногда выглядит именно так: крошки на столе, одна кружка, и тишина длиною в годы.— Раздевайтесь, раздевайтесь, — торопливо говорил старик. — Сейчас дров в печку ещё подброшу. Он подошёл к печи и осторожно начал подкладывать дрова, огонь внутри сразу затрещал громче.— Александр Николаевич, не беспокойтесь, — сказал Илья. — Мы ненадолго. Старик даже удивился:— Как это ненадолго? Гости в доме — значит чай пить будем. Катя почувствовала, как внутри что-то болезненно дрогнуло, потому что у этого человека почти ничего не было но он всё равно хотел отдавать последнее. Старик достал жестяную банку.—

Вот конфеты есть. Внутри лежали старые леденцы наверное, самые обычные, но Катя почему-то едва сдержала слёзы. Он, скорее всего, хранил их месяцами для кого-то, может для гостей которые почти никогда не приходили. — Спасибо вам большое, — тихо сказала она. Старик смущённо улыбнулся: — Да какие там спасибо. Потом вдруг начал искать что-то по комнате. Долго копался в шкафу и наконец достал старый клетчатый плед. — Вот, укройтесь. Вечером сырость сильная. — Нам не холодно, правда, — улыбнулся Максим. — Берите, сынки. В тепле сидеть надо. Илья осторожно сел за стол: — Можно мы немного поговорим с вами? — Конечно можно. — Вы здесь совсем один живёте? Старик замолчал. Медленно опустился на стул, его руки дрожали; Старые, сухие и уставшие... Несколько секунд он смотрел в свою кружку с чаем. Потом тихо сказал: — Один. В доме стало очень тихо, только дрова потрескивали в печке. Катя заметила на подоконнике старые фотографии. Молодая женщина, мужчина в военной форме, а рядом девушка в платье с молодым парнем — счастливые такие. — Это ваша семья? — осторожно спросила она. Старик поднял взгляд. И в этот момент Катя увидела в его глазах такую глубокую боль, что у неё перехватило дыхание. Он осторожно взял фотографию в руки, провёл пальцами по старому снимку очень бережно, будто боялся потревожить прошлое. — Была семья. Его голос стал совсем тихим. — Это Валя жена моя, Это моя Мама и Папа. И впервые за весь вечер он улыбнулся по-настоящему, так улыбаются

только людям, которых любят всю жизнь.— Красивая жена, — прошептала Катя.— Самая красивая былаОн долго смотрел на фотографию.А потом вдруг добавил:— Знаете человек не сразу понимает, что такое счастье.Иногда понимает только тогда, когда остаётся один в пустом доме и разговаривать уже не с кем.—Расскажите пожалуйста вашу историю-попросила Катя — Я не думаю, что вы захотите ее услышать, это длинная история...

—Мы с удовольствием слушаем- сказал Илья

ГЛАВА 2

"Иногда душа умирает, намного раньше чем тело"

1967 год. Мне тогда только двадцать исполнилось, жил я в небольшом советском городке возле реки. После армии вернулся худой, злой и совершенно не понимал, что дальше делать. Отец хотел, чтобы я на завод пошёл.— Работа стабильная, — говорил он. — Чего тебе ещё надо?А мне душно было, чувствовал не моё. Я всё время будто чего-то большего хотел, и однажды увидел объявление:«Набор в спасательную службу».Помню, стоял тогда под дождём и смотрел на эту бумажку минут десять, а внутри будто щёлкнуло ,домой прибежал весь мокрый.Мать на кухне картошку чистила.— Мам! — кричу. — Я спасателем хочу стать! Она даже нож опустила:— Господи Шурка, да ты с ума сошёл?Отец из комнаты сразу:— Каким ещё спасателем?!Я

стою, улыбаюсь как дурак.— Настоящим. Отец только рукой махнул:— Рисковать жизнью захотелось? А я тогда молодой был. Глупый. Смелый. Мне казалось — море по колено.— Людей спасать буду. Отец посмотрел на меня долго-долго. А потом неожиданно тихо сказал:— Ну если сердце туда тянет — иди. Это был первый раз, когда он меня поддержал..... Учёба была тяжёлая, очень, нас гоняли так, будто готовили к войне. Подъёмы в пять утра, тренировки, плавание, медицина, пожары, высота. Инструктор у нас был — Виктор Палыч: Страшный человек, Мы его боялись больше экзаменов.— Спасатель, — орал он, — не имеет права паниковать! Пока вы боитесь — люди умирают! Помню, зимой нас заставили прыгать в ледяную воду. Один парень тогда отказался и Палыч подошёл к нему вплотную:— А если ребёнок под лёд провалится? Ты тоже скажешь, что тебе холодно? И парень прыгнул, да что там, все прыгнули .. эх молодые были, упрямые. После тренировок руки тряслись так, что ложку держать тяжело было, но мы всё равно смеялись. Жили дружно, Особенно с Мишкой Соколовым, лучший друг мой был. Он всегда шутил:— Сашка, вот увидишь, мы с тобой героями станем. А я смеялся:— Главное — живыми остаться..... Первый вызов я запомнил на всю жизнь, ночь, на лице февраль. Я только заступил на смену, сижу, чай пью. И тут звонок, резкий такой, до сих пор этот звук помню. Диспетчер кричит:— Пожар! Жилой дом! Внутри дети! У меня сердце в пятки ушло, мы тогда вылетели как сумасшед-

шие. Сирена, снег, красные огни. Я всю дорогу только об одном думал: только бы успеть. Когда приехали — дом уже горел. Женщина кричала:— Там сын мой!

Мне двадцать лет было, двадцать, а передо мной огонь выше крыши и страх такой, что ноги ватные. Палыч тогда схватил меня за плечо:— Бояться нормально. Главное — иди, и я пошёл. Внутри ничего не видно, дым, жар, треск дерева. Я помню только детский плач... Тихий... Господи Я тогда ползал по полу почти вслепую и вдруг рукой наткнулся на мальчика, маленький совсем, лет пять. Он в угол забился и плакал пока я не схватил его и назад, а потолок уже гореть начал. Когда выбежал наружу — мать этого мальчика на колени передо мной упала, целовала руки, плакала горькими слезами но слезы были радости. А я стоял и сам трясся весь, потому что только тогда понял — мы успели и мальчик выжил. После того пожара меня впервые наградили грамотой. Помню актовъ зал, красные шторы и портрет Ленина. Начальник руку жмёт:— Молодец, Александр. А у меня ладони мокрые от волнения, мать тогда плакала от счастья. Отец сидел серьёзный такой, но я видел — гордился, очень... Дома мать стол накрыла. Селёдка с картошка, а после и торт маленький. Мишка пришёл, соседи пришли, все смеялись и тут отец вдруг встал и сказал:— За сына. И это был, наверное, самый счастливый вечер в моей жизни..... Потом были ещё вызовы, много, слишком много. Пожары. Наводнения. Обрушения. Иногда людей удавалось спасти. Иногда — нет. И к это-

му невозможно привыкнуть, как бы тебе ни казалось, что ты сильный. Однажды мы вытаскивали людей из автобуса зимой, лёд проломился, я тогда сам чуть не утонул. меня Мишка за куртку вытащил. Сидим потом в машине мокрые, зубами стучим, А он смеётся:— Ну что, герой, жить будешь? Я ему:— Если не убью тебя раньше, молодые были Счастливые. Катя слушала молча, с улыбкой на лице, потому что пока старик рассказывал, он будто действительно снова становился молодым, глаза оживали плечи расправлялись, внутри него всё ещё жил тот двадцатилетний парень, который однажды бросился в горящий дом ради чужого ребёнка.— А медали у вас остались? — тихо спросила она. Дядь Саша улыбнулся. Медленно поднялся и подошёл к старому шкафу, долго что-то искал, потом достал небольшую коробку. Очень старую, потёртую. Внутри лежали медали, грамоты, значки с фотографиями. Катя осторожно взяла одну награду.— «За отвагу на пожаре» Старик смущённо махнул рукой:— Да какие там подвиги Но Катя смотрела на него и чувствовала, как внутри всё ликовало, потому что перед ней сидел человек, который когда-то спасал жизни которого награждали, которым гордилась семья, которого уважали. А теперь он один сидит в старом доме с кусочком хлеба и недопитым чаем и почему-то именно это казалось самым несправедливым на свете. За окном совсем стемнело. Снег, который шёл весь вечер, неожиданно сменился холодным дождём. Ветер бил по маленьким окнам так сильно, что старые рамы тихо дрожа-

ли. Дядь Саша как раз осторожно убирал медали обратно в коробку, когда дверь в сенях резко хлопнула. Катя вздрогнула. Через секунду в дом быстрым шагом вошёл Илья. Весь мокрый, куртка блестела от дождя, волосы прилипли ко лбу, а с рукавов стекала вода. — Господи, — сразу поднялся Дядь Саша, — да ты весь промок, сынок. Илья тяжело выдохнул и провёл рукой по лицу: — Там ливень начался настоящий потоп. — А чего случилось? — спросил Максим. Илья нервно усмехнулся: — Колесо пробило. — Что?! Катя резко встала. — На выезде из деревни. Видимо, на железку какую-то налетели. — И что теперь делать? — тихо спросила она. Илья пожал плечами: — В такой темноте и под таким дождём — ничего. Да и запаска почти пустая. За окном вдруг громыхнуло так сильно, что окна задрожали. Катя невольно поёжилась. Дядь Саша подошёл ближе к окну и долго смотрел на улицу. Дождь действительно лил стеной, старый двор почти исчез в темноте. — Никуда вы сейчас не поедете, — спокойно сказал он. — Да мы что-нибудь придумаем, — сразу ответил Илья. — Чего вы придумаете? — мягко усмехнулся старик. — Ночь на дворе. Дорога размыло. Катя тревожно посмотрела на Илью: — Может, позвонить кому-нибудь? — Связи почти нет. Телефон в её руке действительно показывал одно деление, на секунду в доме стало тихо. только дождь бил по крыше и печка потрескивала. — Переночуете у меня, — вдруг сказал Дядь Саша так просто, будто речь шла о чём-то совершенно обычном. — Нет-нет, что вы — сразу начал Мак-

сим. — Мы не можем вас стеснять. — Да чем вы меня стесните? — Нам неудобно. Старик даже нахмурился: — Неудобно им. А мне одному тут сидеть удобно, думаете? Катя почувствовала, как внутри что-то сжалось. Дядь Саша стоял посреди своей маленькой кухни и смотрел на них с такой искренней надеждой, будто очень боялся, что они сейчас уйдут. Будто ему страшно снова остаться одному. — Места всем хватит, — тихо добавил он. — Дом хоть и старый, а тёплый. Илья переглянулся с ребятами. Потом вздохнул: — Мы не хотим доставлять вам хлопоты. — Какие хлопоты, сынок-старик вдруг улыбнулся. — Я уже забыл, когда в доме люди сидели. После этих слов Катя окончательно опустила глаза. Потому что ком в горле стал слишком сильным. — Тогда если вы правда не против — тихо сказала она. Дядь Саша сразу оживился: — Конечно не против! Сейчас чай свежий поставлю. Он засуетился по кухне так быстро, будто помолодел лет на двадцать. Доставал кружки, искал сахар, подкладывал дрова в печку. Катя молча наблюдала за ним и вдруг поймала себя на мысли, что этот старик сейчас счастлив просто потому, что в его доме снова есть люди. Не помощь, не продукты, а просто люди, живые голоса, смех, чужие шаги. Наверное, одиночество действительно страшнее голода. Через полчаса они уже сидели за столом. На кухне стало совсем уютно. Печка грела так сильно, что окна слегка запотели. На столе стоял чайник, старые кружки и тарелка с леденцами. Дядь Саша даже достал банку варенья. — Малиновое, — смущённо сказал

он. — Сам варил ещё летом. — Вы сами всё делаете? — удивилась Катя. — А кто ж ещё? Он разлил чай по кружкам, руки у него слегка дрожали но движения были очень аккуратными. Видно, для него было важно сделать всё хорошо, правильно. Максим осторожно осмотрел комнату: — У вас здесь так уютно. Старик тихо усмехнулся: — Валя уют любила. Катя сразу поняла — речь о жене. И снова заметила, как меняется его лицо, когда он произносит её имя очень нежно. Будто она всё ещё где-то рядом, за окном снова ударил гром. Катя вздрогнула. Дядь Саша сразу посмотрел на неё: — Боишься? Она смущённо улыбнулась: — Немного. — Не бойся. Дом крепкий. И сказал он это так спокойно, по-доброму, что внутри вдруг действительно стало теплее. Илья сделал глоток чая: — Вкусный очень. Старик сразу заулыбался: — Настоящий, с травами. Несколько минут они сидели молча и Слушали дождь, треск дров. И это странное ощущение покоя, которого почему-то давно не было ни у кого из них. Потом Катя осторожно посмотрела на Дядь Сашу: — А дальше?.. — Что дальше? — не понял он. — Ваша история. Старик замер, медленно поднял глаза. И Катя вдруг увидела в них не просто усталость. А целую жизнь, очень длинную, очень тяжёлую. Полную любви, потерь и воспоминаний, которые человек носит в себе десятилетиями. — Хотите ещё слушать старика? — тихо спросил он. — Очень хотим, — честно ответил Максим. Дядь Саша долго молчал, потом осторожно взял в руки горячую кружку. И тихо сказал: — Тогда слушайте Только

история у меня длинная. И не вся она счастливая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.